

**ПОХОЖЕ, РАЗНЫЕ:
О РАЗВИТИИ ВНЕШНЕ СХОЖЕЙ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
В РУССКОМ, ЛАТЫШСКОМ И ИЖОРСКОМ ЯЗЫКАХ***

Е. В. Буденная

Институт языкознания РАН

Данная статья посвящена сопоставительному диахроническому исследованию субъектной референции в русском, латышском и ижорском языках. В этих языках произошла типологически редкая перестройка субъектной референциальной модели — от аффиксального к местоименно-аффиксальному типу. Для каждого из языков анализируются внутри- и внешнеязыковые сценарии, способствовавшие изменению референциального маркирования. Итоговый анализ показывает, что в русском и (по всей вероятности) латышском языке экспансия местоимений была обусловлена внутренними факторами — утратой глагольных связок в перфекте и именных клаузах в русском, разрушением лично-числовой парадигмы сослагательного наклонения в латышском — тогда как для ижорского языка главным триггером оказывается внешний контакт с носителями русского.

Ключевые слова: субъектная референция, личное местоимение, глагольная связка, древнерусский язык, латышский язык, ижорский язык, диахронический анализ.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

**LIKELY DIFFERENT:
ON THE DEVELOPMENT OF A SIMILAR REFERENTIAL PATTERN
IN RUSSIAN, LATVIAN AND INGRIAN***

*Evgeniya Budennaya
Institute of Linguistic RAS*

This article deals with a comparative diachronic study of subject reference in Russian, Latvian and Ingrian. In these languages, a typologically rare restructuring of referential pattern took place — from an affixal to a pronoun-affixal type. For each language, internal and external scenarios of further referential type change are analyzed. The analysis shows that in Russian and (most likely) Latvian, the expansion of pronouns was due to internal factors — copular loss in perfect and noun clauses in Russian, loss of subjunctive inflectional paradigm in Latvian, whereas for Ingrian the main trigger is an external contact with native speakers of Russian.

Keywords: subject reference, personal pronoun, verb copula, Old Russian, Latvian, Ingrian, diachronic study.

* The study has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant # 17-06-00460.

1. Введение

В современном русском, латышском и ижорском (прибалтийско-финская ветвь, финно-угорская группа) языках представлена схожая стратегия маркирования редуцированной субъектной референции. В большинстве случаев (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ вхождений для русского языка [Kibrik 1996; Grenoble 2001]; о схожей модели в латышском см. [Luís, Spencer 2012: 142]; об аналогичной системе в ижорском — см. данные полевых записей Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского (2011 г.)) во всех трех языках используется двойное маркирование с помощью личных местоимений и глагольных аффиксов:

(1) русский

Я считаю, что портал **мы** создали вместе. [НКРЯ]

(2) латышский

a. *par k-o t-u domā?*
 про что-ACC ты-NOM думать.PRS.2SG
 ‘О чем ты думаешь?’

b. *viņa vaicāj-a*
 она.NOM спросить.PRS-3
 ‘спросила она’ [Milions2.0m]

(3) ижорский¹

miä penži-n šā-n hiviä-n
 я.NOM пенсия-GEN.SG получать.PRS-1SG хороший-GEN.SG
 ‘Я хорошую пенсию получаю’

Тем не менее среди языков мира в целом данная местоименно-аффиксальная модель является очень редкой: в основном ведущим способом маркирования субъектной референции являются либо только глагольные аффиксы (61% языков, согласно данным типологического атласа [Dryer 2011]), либо личные местоимения (14% языков в выборке [ibid]). Модель же с двойным местоименно-аффиксальным маркированием присутствует, главным образом, в австронезийских, папуасских [Siewierska 2004: 268], чукотском языке [Luís, Spencer 2014: 142], с одной стороны,

¹ Все современные ижорские примеры приводятся по данным полевых записей Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус (2011 г.), если не указано обратное.

а также в восточнославянских, западно-германских, латышском [ibid] и некоторых прибалтийско-финских языках, с другой стороны. Ареальная близость последних языков и общая типологическая редкость их субъектной референциальной стратегии позволяет предположить ее общее происхождение [Kibrik 2013: 243].

На данный момент известно, что для русского и, по всей вероятности, латышского и ижорского языков современная местоименно-аффиксальная стратегия не является исконной. Так, в древнерусском языке, по сравнению с современным русским, субъектная референция маркировалась преимущественно глагольными аффиксами, а не сочетанием местоимения и аффикса: *чему не восолешши* (берестяная грамота № 644, XII в.) VS *почему ты не присылаешь* (современный перевод [Зализняк 2004: 267]). Во всех письменно засвидетельствованных древних индоевропейских языках личные местоимения также в немаркированном контексте опускаются, а референт кодируется глагольными аффиксами — что позволяет реконструировать данную модель и для праиндоевропейского языка [Walkden 2014: 230]. Местоименно-аффиксальная модель в современном латышском языке, с учетом этих данных, также представляется результатом диахронической эволюции. Для финно-угорских языков, к которым относится исследуемый в работе ижорский, древних памятников не сохранилось (самые древние тексты на языках этой группы в массе своей относятся лишь к XVI-XVII вв., за редким исключением в виде единичных венгерских памятников XIII в.), однако тот факт, что в подавляющем большинстве современных финно-угорских и самодийских языков представлена аффиксальная модель маркирования референции (см. обзор [Kibrik 2013: 245]), можно считать высоковероятным наличие этой модели и в языке-предке — что, в свою очередь, позволяет считать современную местоименно-аффиксальную модель в ижорском языке результатом позднейшей эволюции.

Исходя из этого, в нашей работе была поставлена задача максимально проследить истоки диахронической референциальной перестройки в русском, латышском и ижорском языках, с целью ответа на вопрос: является ли современная местоименно-аффиксальная модель в трех исследуемых языках результатом некоторого единого процесса или же речь идет об изначально разных явлениях. В качестве возможных причин эволюции допускались внутренние (прежде всего, теория [Müller 2005], называющая причиной экспансии местоимений системную утрату личной глагольной флексии хотя бы в некоторых лицах) и внешние факторы.

Для установления искомого триггера эволюции был осуществлен диахронический статистический анализ (древне)русских, латышских и ижорских текстов. В последующих разделах статьи будут подробно проиллюстрированы результаты исследования для каждого из языков, соответственно.

2. Русский язык

Среди всех клауз русского языка, затронутых экспансией местоимений, можно выделить три основных типа — именные (*князь есмь / я князь*), глагольные презентные (*даю / я даю*) и глагольные перфектные², ставшие впоследствии клаузами нового прошедшего времени на -л (*дал есмь / я дал / ∅ дал*). В именных презентных и глагольных перфектных (претеритных) клаузах личные местоимения заняли место утратившейся глагольной связки, ранее выполнявшей референциальную функцию, тогда как в презентных клаузах местоимения стали дополнительным членом, дублирующим референциальную функцию глагольных аффиксов. В целом же восточнославянскую референциальную эволюцию можно представить в следующей таблице:

Таблица 1. Раннедревнерусская и современная русская стратегия маркирования субъектной референции (на примере 1-го и 3-го лица единственного числа)

	лицо	древнерусский (XII в.)	современный русский
именные клаузы	1SG	виновать ³ есмь	я виноват
	3SG	виновать есть	он виноват
глагольные презентные клаузы	1SG	даю	я даю
	3SG	даеть	он дает
глагольные претеритные клаузы	1SG	даль есмь	я дал
	3SG	даль есть	он дал

Самым ранним засвидетельствованным процессом, имеющим отношение к перестройке русской референциальной модели, является утрата глагольной связки в 3-м лице перфекта [Борковский, Кузнецов 2006: 323; Зализняк 2008: 256]. Уже в самых ранних памятниках (XI–XII вв.) в 3-м лице, как правило, отсутствует связка *есть* и представлена только л-форма:

² Во избежание путаницы (в частности, в современном русском языке перфект утрачен) в качестве общего понятия для древнерусских перфектных клауз и современных русских клауз с глаголом в прошедшем времени в работе будет использован термин **претеритные** клаузы.

³ Здесь и далее древнерусские примеры даются в современной орфографии.

- (4) мене **игоумене не поустиле** ([БГ-605], нач. XII в.)
'меня игумен не пустил'
- (5) ать ти **възьль** оу Иванькова съмърьда 3 гривнъ ([БГ-907], нач. XII в.)
'ан ведь он взял у Иванкова смерда три гривны'

С учётом этого факта ряд исследователей [Jakobson 1971/1935: 21; Lindseth 1998: 65; Kibrik 2004, 2013] высказывают общую гипотезу о том, что именно утрата глагольных связок стала триггером всей дальнейшей экспансии местоимений в древнерусском языке. Согласно этой теории, падение глагольных связок в 3-м лице перфекта повлекло за собой аналогичную утрату связок в остальных лицах, что привело к внешней референциальной неразличимости бывших причастных *л*-форм, маркировавшихся только по числу и роду. В силу этого экспансия местоимений естественным образом должна была начаться в новом прошедшем времени и впоследствии по аналогии, по-видимому, распространилась и на все остальные клаузы.

Тем не менее при более детальном анализе данная теория сталкивается с рядом трудностей. Так, нулевой показатель 3-го лица, отличный от эксплицитно выраженных показателей 1-го и 2-го лиц, чрезвычайно распространён в языках мира [Stassen 1997: 111] и, отдельно взятый, не вызывает никакой референциальной неоднозначности: «A zero copula signals 3rd person» [Lindseth 1998: 67]. В силу этого подобная модель с нулевым маркером 3-го лица и выраженными маркерами 1-го и 2-го лица в том или ином виде присутствует в большинстве славянских языков, сохранивших архаичную аффиксальную модель. В частности, в чешском и польском претерите она доминирует начиная с XIV–XV вв. [Andersen 1987: 28; Скорвид 2005: 236], однако никакой аналогичной утраты аффиксальных показателей 1-го и 2-го лица и дальнейшей экспансии местоимений в этих языках не произошло.

Кроме того, вызывает вопросы временная лакуна между утратой перфектной глагольной связки 3-го лица и связок 1-го и 2-го лица. Все исследователи экспансии местоимений в истории русского языка, отмечают, что существенное падение связок 1-го и 2-го лица в перфекте приходится лишь на XVI в. [Зализняк 2008: 247; Meyer 2011: 130], что приблизительно на 400 лет позже аналогичного процесса для 3-го лица. В этой связи гипотеза о нулевом показателе 3-го лица как изначальном триггере всей дальнейшей экспансии местоимений оказывается уязвимой.

При этом примечательным выглядит то, что, по наблюдению А. А. Зализняка, в клаузах с именным сказуемым-существительным, где глагольная связка 3-го лица в ходе времени также была утрачена, местоимения распространились существенно раньше перфектных клауз [Зализняк 2008: 247]:

(6) ты мой брат ([БГ-749], XIV в.)

Несмотря на это наблюдение, именные клаузы в силу существенно меньшего количества практически никогда детально не исследовались с точки зрения субъектной референции. Однако в данной работе было принято включить их в анализируемый корпус данных. К итоговому корпусному анализу были привлечены бытовые, деловые и книжные тексты XII–XX вв. (всего в общей сложности 252 памятника, ок. 3000 релевантных клауз⁴). При этом в процессе отбора данных были отфильтрованы те клаузы, где местоимение было фактически обязательным и опущено быть не могло, а также клаузы с неоднозначной семантикой бытийного глагола (подробнее о критериях фильтрации клауз см. [Буденная 2018: 63–69]).

Анализ выявил следующую картину (наиболее показательные данные были выявлены на материале не книжных текстов): глагольная связка 3-го лица в именных клаузах была утрачена значимо позже (χ -квадрат, p -value < 0.05), чем в перфектных клаузах. Так, если в 3-м лице перфекта глагольная связка отсутствует уже в древнейших текстах XII в., то аналогичная связка в именных клаузах сохраняется до XIV в. Лишь после этого начинается ее массовая утрата — и одновременно распространяются соответствующие местоимения 3-го лица (рис. 1). Местоимения же 1-го и 2-го лиц распространяются в XVI в., одновременно с падением соответствующих связок.

Тем самым, анализ показал, что непосредственной причиной экспансии местоимений в восточнославянских языках действительно послужила утрата глагольной связки 3-го лица — но не в отдельно взятом перфекте, а в системном сочетании с именными клаузами. Данная особенность ярко отличает восточнославянские языки от чешского и польского, где выраженный показатель 3-го лица в перфекте также был утрачен, однако на именные клаузы это явление не распространилось:

⁴ Полный список проанализированных произведений соответствует данным, приведенным в [Буденная 2018], за исключением Киевской летописи по Ипатьевскому списку. О причинах исключения этого памятника из общей выборки см. [Буденная 2017].

(7) a. чешский

Franz je ztělesněním Evropy: jeho matka pocházela z Vídně, jeho otec byl Francouz, **on sám je Švýcar**.

b. русский

Франц — олицетворение Европы: его мать родилась в Вене, отец был француз, сам же **он — швейцарец**. [М. Кундера, «Невыносимая легкость бытия», перевод Н. Шульгиной]

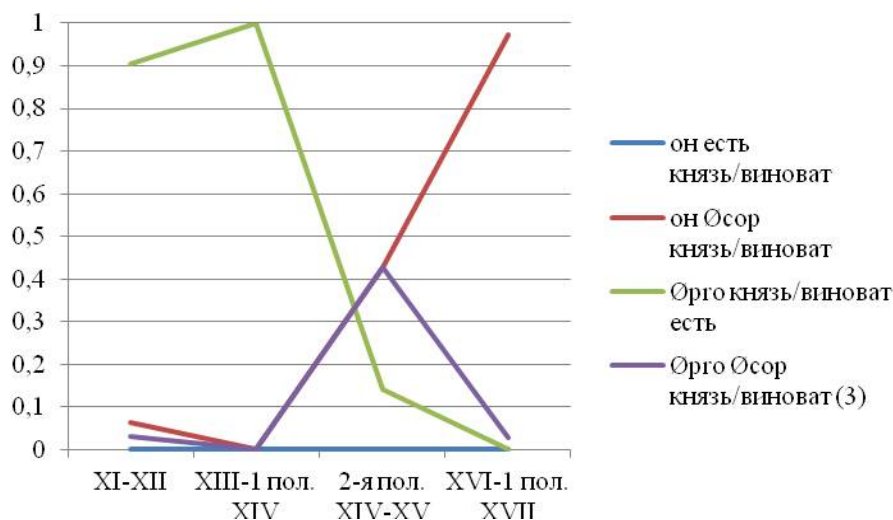

Рисунок 1. Эволюция субъектной референции в именных клаузах с субъектом 3-го лица в не книжных текстах

Таким образом, экспансия местоимений в истории русского языка оказывается результатом внутреннего сценария, связанного с «двойной» системной утратой связок 3-го лица (перфект + именные клаузы).

3. Латышский язык

В отличие от русского языка, где экспансия местоимений достаточно давно обсуждается в научном дискурсе, для латышского языка никаких аналогичных диахронических исследований данного вопроса не проводилось. Во многом это объясняется тем, что самые ранние памятники латышского языка (XVI–XVII вв.) были написаны немецкими священниками, которые зачастую слабо владели языком и во многом калькировали немецкий синтаксис [Сталтмане 2001: 157].

Тем не менее с течением времени категоричность, с которой эти памятники однозначно отвергались в качестве потенциального объекта исследования, существенно сгладилась: было установлено, что даже за несовершенными в языковом плане произведениями XVI–XVIII вв. всё равно можно видеть оригинальные черты, не имеющие аналогов в немецких первоисточниках (см., в частности, обзор [Andronova 2007]). Было выяснено, что степень искажений в латышских памятниках также не является одинаковой: в наибольшей мере немецкие кальки характерны для первой переводной религиозной литературы XVI в., однако для более поздней оригинальной литературы на латышском языке — первых грамматик, словарей, разговорников — процент немецких калек значительно ниже. Исходя из этого, в данной работе было принято итоговое решение привлечь к анализу те старолатышские тексты, для которых можно было предполагать потенциально большее, чем для остальных памятников, количество оригинальных черт.

В конечном итоге в выборку вошли следующие произведения из корпуса старолатышских текстов SENIE⁵:

1. Георг Манцель⁶ “Phraseologia Lettica” (далее Manc1638_PhL), — первый немецко-латышский разговорник, 1638 г.

2. Георг Манцель “10 sarunas” (далее Manc1638_Run), — сборник 10 кратких диалогов.

3. Франц Йохан Цекел “Kartupeļu dārzs” (‘Картофельный сад’, далее KD_1790; перевод с немецкого Фридриха Даниэля Вара) — практические советы крестьянам по выращиванию картофеля. Одно из первых светских произведений, отличающееся «народным», разговорным языком.

Итоговый анализ отразил, что в XVII в. в латышском языке уже преобладала местоименная референциальная модель, аналогичная той, что представлена в современных латышских текстах (в качестве современных данных были взяты отдельные произведения латышской детской литературы XX в. из параллельного русско-латышского корпуса на платформе НКРЯ (далее — Para-LV)):

⁵ <http://www.korpuss.lv/id/Senie>, ок. 1 млн словоупотреблений.

⁶ Г. Манцель (1593–1654) — основоположник системы латышской орфографии, использовавшейся до конца XIX в., автор первого немецко-латышского словаря и множества духовных произведений. В предисловии к «Долгожданному сборнику латышских проповедей» он прямо советует немецким священникам лучше освоить латышский язык, чтобы прихожане понимали обращенную к ним речь.

Таблица 2. Сопоставление некоторых современных и старолатышских произведений на предмет референциальной стратегии: статистически доказано⁷ отсутствие значимых изменений в презенсе и претерите 1-го и 2-го лица (выделены серым)

тип модели произведение	1-2 PRS/PT + pronoun	1-2 PRS/PT -pronoun	3 PRS/PT + pronoun	3 PRS/PT -pronoun
Manc1638_Run	60 (75%)	20 (25%)	5	2
KD_1790	23 (60%)	15(40%)	N/A	N/A
Regīna Ezera, <i>Zemdegas</i> (‘Невидимый огонь’), 1977	62 (70%)	27 (30%)	179	9
Andris Puriņš, <i>Nevaicājiet man neko</i> (‘Не спрашивайте меня ни о чем’), 1977	64 (74%)	22 (26%)	121	15

В силу этих данных эмпирически установить изначальный триггер экспансии местоимений в латышском языке оказывается невозможным, и поэтому дальнейшая работа происходила на основе анализа косвенных данных и общей теории.

Не позволяя однозначно установить изначальный триггер экспансии местоимений, данные латышского языка тем не менее четко отражают, что в этом случае нельзя говорить о каком-либо падении глагольной связки по типу древнерусского языка: в современных латышских текстах глагольная связка в подавляющем большинстве случаев сохранена и в перфекте, и в именных клаузах (61% для 1-го и 2-го лица, 78% для 3-го лица в именных клаузах, χ -квадрат, p -value < 0.01):

(8) *Jū-s esat rakstniek-s?*
 вы-NOM AUX.PRS.2PL писатель-NOM.SG.
 ‘Вы писатель?’ [Para-LV]

(9) *varbūt viņi pat ir laimīg-i*
 возможно они.NOM даже AUX.PRS.3 счастливый-NOM.MPL
 ‘Возможно, они даже счастливы’ [Para-LV]

По сути, немаркированная латышская модель аналогична немецкой, с той разницей, что в латышском языке в ряде случаев местоимение все же может опускаться. Однако имеющиеся социолингвистические данные не позволяют сделать вывод о немецком происхождении латышской местоименной стратегии: несмотря на вековое германское господство (с XIII в. Ливония

⁷ Критерий χ -квадрат, p -value > 0,95.

была захвачена рыцарями Ордена) и совместное сосуществование с немцами, латыши в массе своей не знали нижненемецкого и потенциально возможный билингвизм был крайне ограниченным и редким явлением [Balode, Holvoet 2001: 10]. Во многом это было обусловлено сильнейшим социальным неравенством (привилегированная немецкая «верхушка» VS коренные жители-крестьяне). Данная станция прекрасно осознавалась и самими немцами, и латышами: первые всегда стремились держаться максимально обособленно от коренных народов и никогда не теряли связи с родиной; те же редкие латыши, которые решались на «германизацию», впоследствии стремились максимально дистанцироваться от своих бывших соплеменников. В этой связи неслучайно, что те редкие заимствования из нижненемецкого языка, которые проникли в латышский, относятся в основном к культурной лексике (реалии церковной жизни, некоторые предметы одежды и домашнего обихода [Schwers 1936]), а не к базовой лексике и морфологии.

В этой связи поиск триггера экспансии местоимений в латышском языке был вновь перенесен во внутриязыковую область. При этом в расчет были приняты некоторые разработанные в науке положения, связанные с корреляцией между развитой / неразвитой глагольной флексией и наличием / отсутствием субъектного местоимения. Данная связь, наиболее полно описанная в формальном подходе [Rizzi 1986], была уточнена Г. Мюллером [Müller 2005], который показал, что материал многих языков мира (в т. ч. германских и восточнославянских) позволяет говорить о том, что для распространения местоименной стратегии достаточно системного упрощения хотя бы одной пары личных глагольных аффиксов (т. н. «обеднение глагола»), которое делает невозможной однозначную идентификацию нулевого подлежащего. С этой точки зрения системная утрата глагольных связок в истории русского языка (см. раздел 2) является частным случаем такого «обеднения». В этой связи при исследовании латышских данных встал вопрос о том, было ли в истории латышского языка нечто схожее.

Итоговый анализ дал положительный ответ: системная утрата аффиксов в латышском языке действительно имела место, однако не в перфекте / именных клаузах, а в сослагательном наклонении. В современном латышском языке данная парадигма имеет единую синтетическую форму для всех лиц — суффикс *-tu*, однако в старолатышской грамматике [Adolphi 1685] можно еще видеть остатки личных окончаний в 1PL и 2PL. Сопоставительный анализ латышского с литовским языком, не испытавшим аналогичной экспансии местоимений, показывает, что, в отличие от латышского, личные

окончания сослагательного наклонения в литовском языке сохранены полностью — и это единственное системное отличие литовской и латышской глагольной парадигмы (во всех остальных случаях в обоих языках имеется системная дифференцированная флексия):

Таблица 3. Спряжение старолатышского глагола *redzēt* ‘видеть’ в сослагательном наклонении [Adolphi 1685: 81] в сопоставлении с современным латышским и литовским

	литовский	старолатышский (XVII в.)	современный латышский
1SG	<i>es regēčīau</i>	<i>es redzētu</i>	<i>es redzētu</i>
2SG	<i>tu regētu-m</i>	<i>tu redzētu</i>	<i>tu redzētu</i>
3SG	<i>jis/ji regētu</i>	<i>vinš/viņa redzētu</i>	<i>vinš/viņa redzētu</i>
1PL	<i>mes regētu-me</i>	<i>mes redzētu-m</i>	<i>mes redzētu</i>
2PL	<i>jūs regētu-te</i>	<i>jūs redzētu-t</i>	<i>jūs redzētu</i>
3PL	<i>jie/jos regētu</i>	<i>viņi/viņas redzētu</i>	<i>viņi/viņas redzētu</i>

Хронологические рамки разрушения парадигмы сослагательного наклонения в латышском языке и экспансии местоимений, по имеющимся данным, совпадают (и тот и другой процесс датируется ранее XVII в.). В совокупности с общими типологическими данными других языков, а также с учетом того, что подобное упрощение парадигмы является единственным «радикальным» изменением, отличающим латышскую систему от соседнего литовского языка, для латышского можно считать правдоподобной гипотезу о первоначальном триггере к экспансии местоимений в «обеднении» условного наклонения.

4. Ижорский язык

Первые памятники ижорского языка относятся только ко 2-й половине XIX в., что не позволяет провести непосредственный сопоставительный анализ с самыми ранними данными ни древнерусского, ни латышского языков. Тем не менее было принято решение изучить ижорские данные отдельно. В качестве самого раннего ижорского памятника была привлечена сказка «Золотая птица» из грамматики [Porkka 1885]⁸, в качестве современного — две полевые записи, сделанные Ф. Б. Рожанским и Е. Б. Маркус в 2011 г. Общий объем проанализированных клауз составил 271 единицу. В силу единичных вхождений именных клауз к анализу в данном корпусе привлекались только глагольные презентные и претеритные клаузы, с разделением на 1-е / 2-е VS 3-е лицо.

⁸ Перевод и глоссирование сказки было осуществлено в [Маркус, Рожанский 2012].

Полученные результаты отразили следующую картину: в XIX в. в ижорских претеритных клаузах с субъектом 3-го лица констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции, тогда как в современном языке здесь уже доминирует местоименная стратегия (13, значимое⁹ изменение в субъектной референции 3-го лица выделено серым). Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений — и в XIX, и в XX вв. в этих формах немаркированной является местоименная модель. Тем самым, в истории ижорского языков констатируется значимая экспансия местоимений в 3-м лице.

Таблица 4. Ижорский язык, распределение местоименных и безместоименных моделей 1-го / 2-го VS 3-го лица в текстах XIX и XXI вв.

	1885 г., количество вхождений	%	2011 г., количество вхождений	%
1-2 PRS + pronoun	18	62%	46	46%
1-2 PRS –pronoun	11	38%	54	54%
3 PRS + pronoun	0	N/A	31	97%
3 PRS –pronoun	2	N/A	1	3%
1-2 PST + pronoun	8	50%	19	70%
1-2 PST –pronoun	8	50%	8	30%
3 PST + pronoun	9	20%	15	75%
3 PST –pronoun	36	80%	5	25%
всего	92		179	

Тем не менее ижорские данные отражают отсутствие какой-либо системной утраты глагольной флексии: финитный глагол как XIX, так и XX в. сохраняет идентичную дифференцированную парадигму личных окончаний:

Таблица 5. Ижорский язык, система личных форм финитного глагола [Лаанест 1993: 60]

1SG	- <i>n</i>
2SG	- <i>t</i>
3SG	- <i>V</i> ¹⁰ , <i>pi</i>
1PL	-(<i>m</i>) <i>man</i> / -(<i>m</i>) <i>män</i>
2PL	- <i>tta</i> / - <i>ttä</i>
3PL	- <i>Vt</i> , <i>vat</i> / - <i>vät</i>

⁹ Критерий χ -квадрат, p -value < 0.01.

¹⁰ Конечный гласный основы.

С учетом этих данных поиск триггера для экспансии местоимений в ижорском языке был перенесен в социолингвистическую сферу. Анализ имеющихся фактов показал, что в этом отношении ижорский язык коренным образом отличается от русского и латышского. В частности, XX век, на который приходится экспансия местоимений 3-го лица, совпадает с массовым переходом ижорцев на русский: начиная с 30-х гг. XX века происходит интенсивная русификация Ингерманландии; последующая Великая Отечественная Война и осуществленное по инициативе «сверху» переселение ингерманландских народов в Финляндию приводят к массовому сокращению ижорского населения. В силу этого в бывших моноэтнических ижорских деревнях стали селиться русские жители, возросло количество межнациональных браков, и на протяжении всей своей дальнейшей истории ижорский язык активно вытеснялся более престижным русским языком.

С точки зрения типа контакта, происходившего между русскими и ижорцами, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в этой случае не было никакого социального расслоения, характерного для ситуации латышско-нижненемецкого сценария. Контакты сельского прибалтийско-финского и русского населения, массово возросшие в период XX в., обладали высокой социальной стабильностью; для обеих групп населения были характерны общие культурные и бытовые знания. Эти параметры языковых изменений, согласно [Trudgill 2011], в совокупности свидетельствуют о тенденции языкового изменения в сторону увеличения сложности. В этой связи появление дополнительных субъектных местоимений, в дополнение к имеющейся аффиксальной стратегии в истории ижорского и водского языков может служить примером «усложнения» языка, вызванного подобным типом контакта. Тем самым эволюция малых прибалтийско-финских языков, в отличие от латышского и русского, наиболее правдоподобно объясняется с позиций внешнего контакта, а не внутриязыковых процессов, имевших место в истории двух других рассмотренных ранее языков.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; GEN — генитив; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PT — претерит; SG — единственное число.

Источники

- БГ — корпус берестяных грамот XI-XV вв. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/>
НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>
KD_1790 — Ф. Д. Вар “Kartupeļu dārzs”
Manc1638_PhL — Г. Манцель “Phraseologia Lettica”
Manc1638_Run — Г. Манцель “10 sarunas”
Milions2.0m — морфологически размеченный сбалансированный корпус латышского языка. URL: <http://www.korpuss.lv/>
Para-LV — параллельный русско-латышский корпус на платформе Национального корпуса русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/saas/search-para-lv.html>

Литература

- Борковский, Кузнецов 2006 — Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006/1963. [Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow: KomKniga, 2006/1963.]
- Буденная 2017 — Буденная Е.В. Древнерусские именные клаузы в процессе экспансии местоимений: исключение, подтверждающее правило? // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. Вып. 4. М., 2017. С. 199–208. [Budennaya E.V. Drevnerusskie imennye klauzy v protsesse ekspansii mestoimenii: isklyuchenie, podtverzhdayushchee pravilo? [Old Russian nominal clauses in the process of the pronouns expansion: An exception that confirms the rule?]. Vestnik MGU. Ser. 9: Filologiya. Iss. 4. Moscow, 2017. P. 199–208.]
- Буденная 2018 — Буденная Е.В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: МГУ, 2018. [Budennaya E.V. Evolyutsiya sub"ektnoi referentsii v yazykakh baltiiskogo areala [Evolution of subject reference in the languages of Baltic area]. Ph.D. thesis. Moscow: MGU, 2018.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК, 2004. [Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskii dialekt [Old Novgorod dialect]. Moscow: YaSK, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. [Zaliznyak A.A. Drevnerusskie enklitiki [Old Russian enclitics]. Moscow: YaSK, 2008.]
- Лаанест 1993 — Лаанест А. Ижорский язык // Елисеев Ю.С. и др. (ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 55–63. [Laanest A. Izhorskii yazyk [Ingrian]. Eliseev Yu.S. et al. (eds.). Yazyki mira. Ural'skie yazyki. M.: Nauka, 1993. S. 55–63.]
- Маркус, Рожанский 2012 — Маркус Е.Б., Рожанский Ф.И. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. VIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2012. [Markus E.B., Rozhanskii F.I. «Zolotaya ptitsa» (publikatsiya izhorskoj skazki, zapisannoi v XIX veke) [“A golden bird” (Ingrian fairy tale, documented in 19th century)]. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. VIII. Iss. 1. Saint Petersburg: Nauka, 2012.]
- Скорвид 2005 — Скорвид С.С. Чешский язык // Молдован А.М. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 234–273. [Skorvid S.S. Cheshskii yazyk [Czech]. Moldovan A.M. et al. (eds.). Yazyki mira: Slavyanskije yazyki. Moscow: Academia, 2005. P. 234–273.]
- Сталтмане 2001 — Сталтмане В.Э. Латышский язык // Топоров В.Н. и др. (ред.). Языки мира: Балтийские языки. М.: Academia, 2001. С. 155–192. [Staltmane V.E. Latyshskii yazyk [Latvian]. Toporov V.N. et al. (eds.). Yazyki mira: Baltiiskije yazyki. Moscow: Academia, 2001. P. 155–192.]

- Adolphi 1686 — Adolphi H. Erster Versuch einer kurtz-verfasseten Anleitung zur lettischen Sprache. Mitau: Radetzky, 1685.
- Andersen 1987 — Andersen H. From auxiliary to desinence. Harris M., Ramat P. (eds.). Historical development of auxiliaries. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. P. 21–51.
- Andronova 2007 — Andronova E. The corpus of Early Written Latvian: current state and future tasks. Proceedings of corpus linguistics. Birmingham, 2007. URL: [http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/245 Paper.pdf](http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/245%20Paper.pdf).
- Balode, Holvoet 2001 — Balode L., Holvoet A. The Latvian language and its dialects. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Circum-Baltic Languages. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 3–40.
- Dryer 2011 — Dryer M.S. Expression of Pronominal Subjects Dryer M., Haspelmath M. (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: <https://wals.info/feature/101A#2/18.0/148.2> (accessed on 2018-11-05).
- Grenoble 2001 — Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. Glossos 1. URL: https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/grenoble.original.pdf (accessed on 2018-15-05).
- Jakobson 1971 — Jakobson R. Les enclitiques slaves. Selected writings. Vol. II. The Hague: Mouton, 1971. P. 16–22. (Original publication: Atti del Congresso di linguistica tenuto in Roma il 19-26 Settembre 1933. Firenze, 1935).
- Kibrik 1996 — Kibrik A.A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account. Fox B.A. (ed.). Studies in anaphora. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 266–303.
- Kibrik 2004 — Kibrik A.A. Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma? Branco A., Mitkov R., McEnery T. (eds.). Proceedings of the 5th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium (DAARC). Lisbon: Edicoes Colibri, 2004. P. 87–90.
- Kibrik 2013 — Kibrik A.A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- Lindseth 1998 — Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998.
- Luís, Spencer 2012 — Luís A., Spencer A. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Meyer 2011 — Meyer R. The history of null subjects in North Slavonic (a corpus-based diachronic investigation). Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg, 2011.
- Müller 2005 — Müller G. Pro-drop and impoverishment. Brandt P., Fuss E. (eds.) Form, structure and grammar. A Festschrift presented to Günther Grewendorf on the occasion of his 60th birthday. Tübingen: Narr. P. 93–115.
- Porkka 1885 — Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der ubrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885.
- Rizzi 1986 — Rizzi L. Null objects in Italian and the theory of pro. Linguistic Inquiry 17. 1986. P. 501–557.
- Sehwers 1936 — Sehwers J. Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluß im Lettischen. Leipzig: Kommissionsverlag, O. Harrassowitz, 1936.
- Siewierska 2004 — Siewierska A. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Stassen 1997 — Stassen L. Typology versus mythology: the case of the zero-copula. Nordic Journal of Linguistics. 1997. Vol. 17. No. 2. P. 105–126.
- Trudgill 2011 — Trudgill P. Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Walkden 2014 — Walkden G. Syntactic reconstruction and Proto-Germanic. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Евгения Владимировна Буденная

кандидат филологических наук; младший научный сотрудник, Институт
языкознания РАН

Evgeniya V. Budennaya

Ph.D.; junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sci-
ences

jane.sdrv@gmail.com